

Тима КОВАЛЬСКИХ

НАРЫВ

В больницах положено страдать. С семи утра, когда в палату входит медсестра, чтобы разбудить пациентов, и до одиннадцати ночи – когда уже другая медсестра гасит свет.

...Сегодня солнце пекло. Пожухлые цветы в клумбах сельской больницы сгорали медленно. Мучительно. Их утром полили. К полудню земля начала трескаться.

Старый УАЗик въехал в ворота не торопясь. Будто крался. Выгоревшая надпись «Скорая помощь» блестя на двери со стороны водителя. Машина докатилась до центрального входа. Засвистели тормоза.

– Приехали! – сказал усатый водитель, глядя в зеркала. – Разгружайтесь.

Тучная женщина в белом халате поправила очки и взглянула на больного.

– Можешь идти? – она посмотрела на окровавленную рубашку.

– Обижает, ангел мой! – с улыбкой произнес молодой человек и тут же скривился от боли. – Я могу в лапу играть еще. И кидать копье.

– Шикарные шутки! – не оценила женщина, складывая в черный чемоданчик остатки марли и

флакончик перекиси водорода. – Головой не ударься, когда будешь вылазить.

– Есть, мадам! – отрапортовал мужчина. – Спасибо, батя, что довез. Пожал бы руку, но, как видишь, не могу, – в голосе неистовая радость.

В здании больницы было прохладно. Советский бетон за много лет истерся о половые тряпки, резиновую обувь пациентов, но не сдавался: еще лет на сорок хватит.

Женщина прошла в помещение, где сидел диспетчер. За ней поплелся больной.

Рыженькая молоденькая девушка разгадывала кроссворды, когда к ней зашли эти двое. Она даже испугалась, посмотрев на рубашку парня.

– Катя, вызывай Галину Сергеевну. У нас рука разорвана... А ты проходи, садись на кушетку. Голова кружится?

– Здравствуй, Катя, – как масло на сковородке поплыла улыбка. – Нет, сейчас стабильно... Точка опоры под ногами. Физику же изучал!

– Ты не выпендривайся! Катя, если что – нашатырь к носу. Я пошла, смена моя уже закончилась.

Дмитрий (Тима) КОВАЛЬСКИХ, прозаик. Окончил факультет журналистики Алтайского госуниверситета. Публикуется в российских журналах и альманахах. Занимается литературой и бизнесом.

Живет в Барнауле.

– Галина Сергеевна, пройдите на «скорую», – по телефону. – У нас пациент с рваными ранами руки, – девушка посмотрела на парня. – И шеи. Хорошо. Ждем вас.

Они остались одни. Парень сидел на кушетке, болтал ногой и окидывал взглядом каждый уголок потрепанного кабинета. Цифровые часы зависли на отметке десять двадцать шесть. «Неужели сегодня?» – подумал он и перевел взгляд на девушку.

– Катюха, как дела? Че такая грустная? – он придерживал правую руку здоровой. Улыбнулся.

– Хорошо, Роман. Дела хорошо. И я не грустная, – будто оправдывалась.

– Да я вижу! Чё, опять твой пьёт, что ли?

– Не твое дело, – девушка смотрела в монитор.

– Ну дай хоть в твои бездонные глаза посмотреть. А?

– Голова не кружится?

– Нет. А должна?

– Не знаю. Чё с рукой?

– Ой, не спрашивай. Так – пустилки.

– Ага, кровища. Вижу.

– Крови боишься?

– Нет, не боюсь. Боюсь, что ты много потерял ее, поэтому и говоришь какую-то ерунду.

– Катюш, – он изменил положение: повернулся к окну. – Вот ты как была недотрогой, так ею и осталась. Есть в тебе изюминка.

– Политов, замолкни! А то потеряешь сознание.

– А ты будешь мне делать искусственное дыхание? – он подмигнул ей. – Тогда я готов хоть сейчас упасть тут.

– Дурак.

– Катюш...

– Здравствуйте, – в кабинет вошла Галина Сергеевна, хирург.

От бога или нет – она еще не определилась. Но до сих пор аппендицит вырезала под наркозом, оставляя на память огромный шрам. Фурункулы вскрывала еще до того, как подействует «Новокаин», отчего пациенты называли ее «живодеркой». Про умение накладывать швы вообще не стоит говорить: из ателье бы ее уволили в первый же день.

– Доброго денька, доктор, – сказал Роман. – Как поживаете?

– О боже, Политов, ты, что ли?

Зрения Галины Сергеевны хватало на несколько метров, поэтому она подошла к кушетке и еще раз спросила:

– Политов, ты, что ли?

– А разве не видно?

– Не ёрничай! Что случилось? – она села за стол.

– Да ничего особенного. Так, царапина.

– Ты издеваешься, что ли? У тебя вся рубашка в крови.

– Ну это... Пилил отлёт, да цепь на пиле соскочила. Да по руке прошлась.

– Пил сегодня?

– Только лимонад.

– Алкоголь? – будто на допросе.

– Боже упаси!

– Аллергия на лекарства есть?

– Такой не припомню...

– Градусник бери... Вон лежит, – кивнула на металлический поднос.

Парень взял градусник.

– А как это? Я не могу подмышку-то. Я не Копперфильд!

Из-за стола встала Катя и подошла к Роману.

– Будешь щупать меня? – он посмотрел на ее обтягивающий халат. – Это мне нравится.

– Политов, успокойся! – грозно сказала Галина Сергеевна.

Катя приподняла окровавленную рубашку и помогла установить градусник.

– У тебя такие руки холодные, – он улыбнулся снова.

Катя покраснела. И тут же подошла к столу и села.

– Мы тебя госпитализируем. Паспорт, полис с собой?

– Конечно, я же собирался к вам, – пошутил Роман.

– Звони сестре своей, пусть завтра принесет утром... Надо тут поставить подпись. Сумеешь?

Он попытался расписаться, но вспомнил о градуснике.

– Не могу... Катюш, забери градусник.

– Сиди еще, – вымолвила врач.

...второй этаж. Хирургическое отделение пахло хлоркой. Пол был влажный. Техничка протирала окна. Противные звуки от тряпки – как ножом по сердцу.

– Ой, баб Валь, привет, – сказал Роман, увидев свою соседку.

– Господи, что случилось? – она выпучила глаза, увидев окровавленную рубашку, спустилась с подоконника и подошла ближе.

– Да ничего особенного. Так, порезался немного. Пару швов, да свободен буду.

– Господи, господи...

– Да не переживайте. Это... Матери скажите, что я живой. Я чё-то не успел ей сказать.

– Ладно. Выздоровливай быстреей. Господь с тобой!

Он прошел по коридору. Медсестра сидела за школьной партой, приставленной к стене, заполняла журнал. Впереди шла Галина Сергеевна, несла бумаги. Завидев врача, медсестра отодвинула журнал в сторону.

– Лен, его в пятую палату. Завтра с утра кровь, моча. Три раза

температуру измерь сегодня. И воды ему полторашку. Там в прачке была футболка, принеси ее в операционную... – оглянувшись. – Чего встал? Пошли!

Кушетка была холодная. Пахло кварцем. Галина Сергеевна включила свет и попросила Романа пододвинуться ближе. Она взяла ножницы и разрешила рубашку. Кровь ссохлась, пришлось отмочить раствором.

В операционную вошла Лена, принесла футболку.

– На стул кинь. Ты мне не нужна.

Раны были неглубокие. Галина Сергеевна сделала укол обезболивающего.

– Посиди немного. Сейчас будем зашивать.

– И домой потом можно?

– Ага, щас. Пока не сдашь анализы, пока не сделаем снимки, полежишь тут.

– Пффффф.

– Не пфыкай! Вдруг грязи занес.

...сорок минут потребовалось, чтобы залатать руку Романа. Он старался не смотреть, пока толстая нитка в толстой иголке шныряла по коже. И лишь когда Галина Сергеевна звякнула щипцами по металлической чашке, он опустил глаза на руку.

– Франкенштейн почти! – воодушевленно.

– Кто?

– Франкенштейн. Ну такое чудище из мяса... Кажется.

– Ааааа. Может быть, – почти согласилась. – Я перевяжу бинтом, завтра сделаем перевязку. Дойдешь до палаты сам?

– Обижаете. Я могу и добегать.

– Вот только не надо героизма. Сильно не шуми только.

Коридор был длинным. Лампы мигали через одну. Ещё немного декораций и – можно снимать фильм ужасов. Тихо было.

Потрескавшаяся краска на двери не смутила Романа, и он открыл дверь палаты резво.

– Добрый вечер, мученики! – он огляделся. – Или день. У кого что!

В палате было четыре койки. Они стояли вдоль стен, у окна – небольшой стол. Низкие тумбочки с туалетной бумагой и полотенцами. Два стула времен еще застоя криво стояли на своих четырех ножках.

В углу, отвернутый к стене, лежал дед. Рядом с его кроватью стояли тапочки, под ней – утка. Дед повернул голову, но ничего не сказал. Роман не сразу узнал этого сгорающего человека.

Ближе всех была кровать Демида, старого друга Романа. Демид вскочил и подошел к парню.

– Ооо, Ромка, ты чего? Чё с рукой?

– Да так... Цепь от пилы оторвала немного плоти. До свадьбы заживет, – улыбнувшись. – А ты чего порезан весь?

На лице Демида был лейкопластырь. Под правым глазом фингал. Левая рука замотана до локтя.

– В «Звездочке» подрались, – он рассмеялся. – Дэрэ отмечали. Перепили. Перерезали друг друга, – выдохнув.

Еще один пациент читал толстую книгу. Он не обратил внимания на нового соседа по комнате. Лишь перевернул страницу.

– А ты чей, молчун, будешь? – Роман обратился к парню. – Я тебя не видел тут.

– Я Гриша, – не отрывая глаз от книги, произнес парень. – Я из села N.

– Да ты еще и неразговорчив.

Пауза.

Молчание нарушила медсестра.

– Нашел свое место? Вот постель. Вот вода. Ужин в семь. Прощу не опаздывать, – отчеканила и тут же вышла. И снова зашла. – А где твой паспорт и страховое? – спросила она у Романа.

– Завтра принесут.

Ушла.

Весь вечер играли в карты. Роману было сложнее: у него была только одна рука. Но он безошибочно переворачивал карты, отбивался. Память его не подводила.

Ему на днях исполнилось тридцать четыре. Он жил с матерью и сестрой. Работал на стройке, когда сходил снег, а в заснеженные месяцы – отдыхал (как отдыхал – тоже работал постоянно: то снег поможет почистить, то лес перевезти, то ещё что). Жили на пенсию матери, на небольшую зарплату сестры и то, что смог накопить Роман за строительный период.

Отца похоронил, когда Роману едва исполнилось десять. Потом была школа, аттестат за девять классов. ПУ и диплом тракториста. Армия. Его жизнь почти ничем не отличалась от жизни любого сельского парня. Только одним – характером.

Он всегда улыбался. Даже когда было плохо. Когда зимой отключали свет на несколько дней, когда водопроводная труба перемерзала. Когда мать, крича от боли в руках, не давала спать по ночам. Он не верил в бога, не верил в чёрта, он верил только в себя. И порой смеялся над теми, кто ходил в церковь просить какого-то чуда. А те называли его грешником, обещали кары божьей. А Роман только улыбался, крутил перед ними пальцем у виска.

Утро следующего дня было ранним.

Медсестра ворвалась в палату и громко объявила:

– Подъем, хирургия!

Она прошла к столу и разложила на нем бумажки. Обернулась и сказала:

– Политов, тут твои на кровь и мочу. Банка в туалете на подоконнике. Подойдешь ко мне потом, измерим температуру. Алпатов, сдаешь кровь еще раз...

Кровати заскрипели. Демид накинул одеяло на голову, пятки его засверкали. Гриша открыл глаза.

Медсестра, договорив, вышла, оставив дверь открытой.

Роман прикусил губу. Ему было больно шевелить рукой. Ломило плечо. Ему показалось, что он отлежал левый бок. Попробовал пошевелить пальцами израненной руки. Получилось. Улыбнулся боли.

В коридоре пусто. Лаборант лишь звякала пробирками. Роман зашатался, медленно подошел к стене и выставил руку. У него кружилась голова.

Дойдя до туалета, он захлопнул за собой дверь. Десять минут он пробыл там.

Потом, когда он сел на стул перед лаборанткой, еле выдавил из себя:

– Доброе утро.

Роман улыбнулся еще раз сквозь боль и уже хотел что-то сказать, как в глазах его потемнело, и он упал на пол. Девушка, испугавшись, выскочила в коридор, чтобы позвать на помощь.

Нашатырь не помогал. Роман не приходил в сознание. Тут медсестра заметила кровь на повязке.

– Позовите мужиков, пусть до операционной его доташат.

Демид и Гриша обхватили Романа и поволокли на другой конец коридора.

– Что случилось? – вышла из кабинета Галина Сергеевна, услышав шорохи.

– Упал при сдаче крови, – ответила Лена. – У него кровь пошла...

– Подготовьте мне инструменты. Наверное, швы разошлись.

...Когда Галина Сергеевна разрезала ножницами повязку, она увидела отек. Рука напоминала докторскую колбасу, перемотанную веревками. Из ран сочилась кровь... Роман пришел в себя на мгновение, увидел врача и медсестру и тут же потерял сознание.

– Сколько пальцев видишь? – спросила медсестра, нагибаясь над лицом Романа под вечер.

– Сшут пфрст.

Роман попытался поднять голову, но тут же ее, будто магнитом, присосало к подушке.

– Лежи спокойно, это наркоз. Через пару часов пройдет. Тошнит?

Роман не ответил. Закрыв глаза и выговорил:

– Бои ука... Бои ука...

Но правой руки у него не было.

До поздней ночи он был как в бреду. Будто в центрифуге его крутило. Он поднимал левую руку перед собой. Она двоились, и ему казалось, что так и должно быть.

На следующий день Галина Сергеевна зашла в палату хмурая. Она подошла к Роману и тихо сказала:

– Эй, как ты? Тошнит?

Роман открыл глаза и хихикнул.

– Будто по мне каток проехался.

Он посмотрел направо и спросил:

– А вы мне пришьете новую руку? – и улыбнулся.

– Нет. У тебя был сепсис. Нам пришлось...

– Ой, не надо. Рука болит, хоть ее и нет. Как такое может быть? – он сдвинул брови.

– Это фантомные боли, – ответила врач.

– А как мне теперь в туалет ходить?

– Тебя только это беспокоит сейчас? А? – строго. – Ты чуть не умер, а ты все про неведомо что. Спи давай, что ли! Меньше чтобы говорил... Полезно для здоровья!

– Ну ладно. Не беда, – подумал Роман, – хорошо, что не нога. А то прыгать я столько не смогу.

Врач вышла из палаты. Роман, немного придя в себя, огляделся. Кровать Демида была заправлена. Его не было. Дед лежал, отвернутый к стене. Лишь Гриша, закрыв книгу, посмотрел на Романа.

– А где Дёма? – спросил Роман.

– Выписали, – ответил Гриша.

– Так к обеду же... Сейчас утро.

– Его выписали вчера еще.

– Как вчера? В смысле?

– Ну так... Вчера выписали. А сегодня уже сегодня.

– Алло, гараж!

– Чё «алло»? Ты пролежал тут двое суток.

– Ничего себе наркоз, – раскатиисто произнес Роман. – А я не пойму, что происходит. Как и что?!

– Все так же, – Гриша подошел и присел на койку к Роману. – Как дальше будешь жить?

– Как? Как обычно!

– Без руки...

– Ааа. Ты про это. Не беда. Не тех бед мы уже повидали, Гришуня, – Роман улыбнулся. – Да я поправился немного за месяц. А тут – пару килограммов сбросил, – попытался пошутить Роман.

Гриша все-таки приподнял уголки губ.

* * *

Подъем. Завтрак. Анализы. Обход. Обед. Тихий час. Ужин.

Книги. Карты. Сигареты. Отбой. Все заново.

* * *

Прошло несколько дней.

Утро было пасмурным. Тучи собирались. Будто грязь размазали по небу. Неприятно.

Медсестра, как обычно, разбудила пациентов в семь утра. Открыла дверь палаты и ушла.

Гриша, лежа в постели, уже читал книгу. Проснулся он рано.

Роман, перевернувшись на бок, посмотрел в окно.

– Мрачно как-то, – и залез под одеяло с головой.

...О том, что дед умер, узнали, когда техничка пришла мыть пол. Она пыталась растолкать отверну-

того к стене мужчину. Но швабра упала на дырявый линолеум. Она выскочила в коридор. Растеряно искала медсестру.

Пришли санитары с носилками к девяти. Накрыв окоченевшее тело мощным лоскутом ткани, они унесли в морг.

Роман и Гриша до этого времени сидели у окна в коридоре. Их не пускали в палату. Капли по стеклу размазывались. Ползли вниз.

– Интересно, а капли могут идти вверх? – поинтересовался Роман.

Но услышал от Гриши другое.

– У него цирроз печени был, – покрестился. – Упокой его душу.

Подъем. Завтрак. Анализы.
Обход. Обед. Тихий час. Ужин.

Книги. Карты. Сигареты. Отбой.
Все заново.

Роман и Гриша сидели на двух чурках около запасного входа больницы и курили. Их выпустила медсестра: внутри помещения курить запрещено, а идти до проходной – далеко.

Рядом была кочегарка, но дверь в нее заколотили по весне. Иваныча отправили в отпуск до холодов. За ненадобностью.

Больничным пес бродил туда-сюда. Худой. Клок шерсти на боку был выдран.

– А я думал, ты дурачок, – сказал Гриша ни с того ни сего. – Весь день думал. И вчера думал.

– А я думал – ты, – улыбнулся Роман.

Синица пролетела мимо.

– Надоела больница. Не хочу умирать тут, – он посмотрел вверх.

– В смысле умирать?

...И только тут Роман понял, что не знает, почему Гриша находится в больнице. Он даже не поинтересовался, какую болячку этот хиленький паренек привез сюда на обследование.

– У меня что-то плохое нашли. Я не понял их ученых слов, – затянулся дважды.

– Плохое?

– Да. Типа мне недолго осталось, – он как-то с грустью посмо-

трел на пса, который прилёт около колеса.

– И не надо умирать тут! И вообще не надо умирать. Надо построить себя на жизнь, – как-то повзрослому звучало из уст Романа.

Казалось, что и сам он не поверил этому тону.

– От меня мало что зависит.

– Да нет! Многое зависит... И смотреть на этот мир нужно без грусти.

Гриша кинул взгляд на перебинтованное плечо Романа.

– Выписывайся завтра. И – куда хочешь отправься. Все равно тут как-то туго. Да и каша тут невкусная. Молоко водой разбавляют.

– Завтра. Как раз! Уйду.

– Куда?

– К матери поеду, наверное. Давно не виделась, – Гриша не моргал. Сигарета истлела в руках.

– Я тоже скоро поеду. Надо помочь немного. Осень наступит быстро.

– Я тоже так думаю.

Они просидели с час, разговаривая. Тихо. Спокойно.

Они разглядывали облака, как дети. Роман шутил. Гриша терпел эти глупые жизненные шутки. Потом погода резко изменилась.

...дождь пошел.

